

Борис ДУБИН

Координата будущего в общественном мнении*

К истории «будущего»: введение. Проблема-тизацию категории «будущее», возникновение *проблемы будущего* в поле интеллектуальной работы, а затем и в массовом сознании, коллективном образе чувств и мыслей в ряде «передовых», «продвинутых» обществ Запада (потом их назовут «развитыми») правомерно связывать с глубокой перестройкой механизмов социальной и индивидуальной регуляции. Речь идет о растущей значимости, даже о приоритетности механизмов целеполагания и целедостижения в структурах социального действия и взаимодействия. В этом смысле отмеченный процесс сосредоточения на перспективных координатах поведения как социальный, более того — массовый феномен характерен прежде всего для Нового времени, а может быть, и еще уже — для современной эпохи¹.

Условное начало группового осознания этого проблематического момента можно, в частности, датировать, с одной стороны, активным обращением к идее и жанру утопии в европейской словесности Возрождения, барокко, романтизма, а позднее, уже в буржуазную эпоху, — с развитием жанра научной фантастики и, еще позже, фэнтези. С другой — отмеченной точкой в данном плане рассуждений выступает теоретическая разработка категории «воображение» у Канта, Шиллера, йенских романтиков, Колриджа, Эдгара По в связи с проблематизацией центральной для модерна категории челове-

ской субъективности². Утопия при этом заступает место традиции, значение которой в регуляции поведения и организации коллективного опыта, напротив, слабеет³. Впрочем, столь же активной и последовательной рационализации средствами письменной культуры и примерно в тех же хронологических и географических рамках подвергается и традиция, прошлое. Одним из специализированных инструментов этой рационализации становится история как научная дисциплина, а затем, вслед за ней и по ее образцу, этнография и археология традиционных обществ и культур; взаимовлияние форм письма и форм истории — отдельная тема ретроспективного исследования⁴.

Данный процесс движется и многократно ускоряется по мере рационального осознания и последовательного артикулирования элитами, а затем и на массовом уровне гетерогенности социальной реальности, разнохарактерности обществ, как современных, так и архаических, экзотических и др. В данном конкретном случае речь идет о фиксации и выражении разновременности, наличия и взаимодействия в социальном и индивидуальном опыте нескольких различных планов или типов времени (времени ритуала, повседневной жизни, праздника, воспоминания, ожидания, ностальгии, фантазии, сна). С пониманием упомянутой разнородности

* В статье развиты основные тезисы сообщения на организованном МВШСЭН и Интерцентром XVII ежегодном международном симпозиуме «Пути России. Будущее как культура: прогнозы, репрезентации, сценарии» (Москва, 30 января 2010).

¹ См.: *Zarifian Ph.* Temps et modernité: le temps comme enjeu du monde moderne. P.: Harmattan, 2001.

² См.: *Старобинский Ж.* К понятию воображения: вехи истории // Он же. Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 69–84.

³ Подробнее см.: *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990; Утопия и утопическое мышление / Под ред. В. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991.

⁴ См.: *Certeau M. de.* L'écriture de l'histoire. Paris: Gallimard, 1975, в частности вводную главу этой книги «Разновидности письма, разнородности истории» (http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_4/02.htm#_ftn6).

коррелирует растущее значение субъективности в обществах Нового времени — в познании, социальном действии, экономике, политике, законодательстве, искусстве и проч.

Сферой условной, игровой реализации способностей автономного и вместе с тем социального субъекта выступает при этом воображение, относимое как к прошлому (память), так и к будущему (надежда). Короче говоря, здесь фиксируется сознание социальных и культурных *перемен* (изменчивости) и значимой категории *выбора* (альтернатив), а соответственно, — ключевая инстанция (фигура) сознательного и деятельного, свободного, самоответственного и социально-ориентированного субъекта.

Концептуальный аспект. Социальное время я вслед за Ю.А. Левадой буду трактовать как последовательность социальных действий или фаз социального действия (циклы, ритмы); культурное время — как соотношение значений типов (слоев, пластов) этих действий¹. Развитость категорий времени и, в частности, будущего времени в этой логике — выражение сложности социальной морфологии общества, ее «глубины», устойчивости и одновременно гибкости, динамизма.

Будущее (как и прошлое) выступает областью мысленного обобщения координат и оценок социального действия, генерализации и универсализации коллективного опыта, в том числе и в первую очередь — *согласования* интересов, идей, значений, относимых в рефлексии к прошлому, настоящему и будущему: фиксация и измерение времени — это фиксация и измерение согласованности/рассогласованности времен, отмеченной точкой которых так или иначе выступает настоящее². При этом в сфере настоящего действие институциональных и ролевых структур для массового сознания как бы скрыто, выделяется лишь зона «своего» поведения. Здесь каждый, можно сказать, «меряет по себе». Собственное действие, программа поведения ясны, очевидны актору либо потому, что рационализированы и учтены им, либо — и гораздо чаще — потому, что они для него привычны. Так или иначе, они воспринимаются им как индивидуальные, свои.

¹ См.: Левада Ю. Статьи по социологии. М.: [ВЦИОМ], 1993. С. 41 и далее, а также: Он же. Исторические рамки «будущего» в общественном мнении // Он же. Ищем человека: Социологические очерки, 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006. С. 62–75.

² Реконструируя этот механизм обращения и приурочивания времен, Августин («Исповедь». XI, XX. 26) говорит про «три времени — настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего». — Августин А. Исповедь / Пер. с лат. М.Е. Сергеевко. М.: Канон+, ОИ «Реабилитация», 2000. С. 222.

В сферах же воображения (отнесения в прошлое или будущее) рамки для массового сознания задаются действием ролевых структур и базовых институтов, прежде всего — репродуктивных, связанными с их взаимодействием конструкциями значимых и общезначимых «исторических» событий, а с другой стороны, с переводящими, транспонирующими их в категории опыта нормативными (по преимуществу аскриптивными) схемами типового жизненного сценария, выстроенными по осям «детство — юность — зрелость — старость», «мужское — женское». Соединение таких стандартных жизненных сценариев с предписаниями базовых институтов (универсальными требованиями ролей, дифференцированными фазами действия, ритмами их смены и повторения) собственно и задает динамику индивидуальных жизненных проектов (биографий), коллективных действий тех или иных социальных групп, движений и т. п.

В этих рамках я бы аналитически выделял несколько конструированных типов будущего по формам и модусам их соотносительности с настоящим:

а) *будущее как ухудшение* — готовность к худшему, порча. Предлагается видеть за этим установки и оценки маргинализируемых, стигматизируемых групп;

б) *будущее как продолжение* «такого же» — инерция. Можно трактовать это как расчет на нормальную, так или иначе привычную работу основных институтов в модальности либо улучшения, либо опаски и предупредительной осторожности («Лишь бы не было хуже»). Для сравнительно-типологического анализа важны различия в характере этих основных институтов (в их основе и повседневной деятельности преобладают значения мобилизационные, адаптивные, консервативные, достижительские, неотрадиционалистские, самоорганизующиеся и саморегулирующиеся) и в инстанциях, наделенных способностью инициативы и ответственности, либо, напротив, приспособления и ускользания от ответа. В целом так можно характеризовать сознание «среднего среднего» большинства;

в) *будущее как сфера решения проблем прошлого* (в том числе — настоящего, но ретроспективно представленного уже как прошлое), т. е. ориентация на достижение и проекция связанных с этим проблем в зону неопределенности, будь то в позитивном или негативном залого. Так можно характеризовать сознание новых и восходящих социальных групп;

г) *открытое будущее* – сфера нового, нежданного, неопределенного, ей соответствует категория выбора, способность к сознанию перемен, переломов и к рационализации их характера, глубины, последствий (собственно, сознание модерности). Способность выбора между различными альтернативами определяется ключевыми установками на самостоятельность, состязательность, солидарность (но прежде всего – активность, «В начале было дело» – гётевского Фауста), которые лежат в основе современных обществ, их базовых, модельных институтов.

В концептуальном плане я бы предложил связывать наличие/отсутствие, развитость/слабость представлений о будущем в сознании и действиях различных групп социума, в том числе – его предсказуемости/непредсказуемости, со следующими комплексами значений и обстоятельств как независимыми переменными анализа:

- со степенью дифференцированности социума, нарастанием в нем многообразия самостоятельных, специализированных институтов и существованием независимых, конкурирующих элит (включая художественные), вырабатывающих и выносящих в публичное поле различные сценарии будущего, создающих и рационализирующих, рафинирующих «языки» обсуждения будущего, а соответственно, с наличием различных, независимых, конкурирующих каналов коммуникации между различными группами и слоями социума;

- со степенью плотности внутри- и межгрупповых коммуникаций в актуальном обиходе различных групп и слоев, иначе говоря, со степенью их открытости/закрытости;

- с уровнем институционального или системного доверия в различных группах социума¹;

- со степенью аскриптивной жесткости или принципиальной вариативности типового жизненного сценария (обобщенно говоря, значимостью «игры») в различных группах социума, в коммуникациях между ними, между поколениями и т. д.

Социологи, как правило, имеют дело с эмпирическими свидетельствами о первых трех из перечисленных выше аналитически выделяемых типах будущего – действием на массовое

сознание, соответственно, механизмов порчи, инерции, проекции. Область «открытого», непредсказуемого будущего крайне редко становится актуальной для обычного сознания – разве что в детстве, отрочестве, юности. Чаще ее появление сопровождается экстраординарные состояния общего перелома (катастрофа, война) либо выносятся в область фантазирования (сны, игра, искусство). В этом последнем случае художник, подчеркивая смысловые дефициты и напряжения в настоящем, нередко оказывается указчиком и отгадчиком будущего.

Эмпирические данные. Про массовое сознание современной России допустимо сказать, что в своем большинстве россияне придерживаются представлений о времени и о будущем времени как о механизме инерции или результате порчи. Излагая свои прожективные представления о российском обществе через десять лет, россияне прежде всего сосредотачиваются на характеристиках ухудшения и на моментах коллективной (государственно-национальной, семейной) идентичности, способных, по их оценкам, хоть как-то сдержать, смягчить или снизить разрушительное воздействие времени.

КАКИМ ВЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ СЕБЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ЧЕРЕЗ 10 ЛЕТ? ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО В ЭТОМ СПИСКЕ МОЖЕТ СООТВЕТСТВОВАТЬ ТОМУ, ЧТО БУДЕТ ТОГДА В РОССИИ? (в % от числа опрошенных; приводятся лишь наиболее значимые позиции, которые здесь ранжированы)

Богатые станут богаче, а бедные – беднее	38
Деньги будут играть всё большую роль, люди будут более расчетливыми	34
Россия будет играть все большую роль в мировом сообществе	30
Возрастет значение семьи	25
Людям старших поколений станет всё сложнее понимать общество	24
Возрастет число людей, неспособных подерживать свое материальное и социальное положение	24
Общество станет более холодным, эгоистичным	23

2008, N=1600.

Преобладающая часть – в среднем, около трех пятых – взрослых россиян год за годом не чувствуют уверенности в завтрашнем дне.

Опять-таки до трех пятых российского населения, по их свидетельству, могут представить будущее себя и своей семьи не далее чем на ближайшие месяцы.

¹ Подробнее об этой важнейшей категории см.: Eisenstadt S.N. Power, Trust, and Meaning. Chicago: University of Chicago Press, 1995; Luhmann N. Trust and Power. Ann Arbor: UMI, 2007; Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002; Левада Ю.А. Механизмы и функции общественного доверия // Он же. Ищем человека. С. 177–186.

Таблица 1

ЕСЛИ ГОВОРИТЬ В ЦЕЛОМ, ЧУВСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ УВЕРЕННОСТЬ В ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Дек. 2005	Март 2006	Дек. 2006	Июнь 2007	Сент. 2007	Нояб. 2007	Март 2008	Окт. 2008	Дек. 2008	Март 2009	Июнь 2009
Да	33	33	40	41	37	42	51	40	38	35	40
Нет	64	63	57	54	58	54	44	56	59	60	54
Затрудняюсь ответить	3	4	3	5	5	4	5	4	3	5	6

N=1600.

Таблица 2

НА КАКОЙ СРОК ВЫ В СОСТОЯНИИ ЯСНО ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ БУДУЩЕЕ СВОЕЙ СЕМЬИ, СВОЕ СОБСТВЕННОЕ БУДУЩЕЕ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1997, 2400 чел.	1998, 2400 чел.	1999, 1600 чел.	2009, 1600 чел.
Не более чем на один день	17	23	26	13
На ближайшие недели	19	24	21	17
На ближайшие месяцы	25	23	21	25
На год-два	16	14	15	22
На три-пять лет	5	4	4	10
На шесть-десять лет	2	1	1	2
Более чем на десять лет	1	2	2	2
Затрудняюсь ответить	15	9	10	9

Таблица 3

НА СКОЛЬКО ЛЕТ ВПЕРЕД ВЫ МОЖЕТЕ ПЛАНИРОВАТЬ СВОЕ БУДУЩЕЕ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1991, 2000 чел.	2001, 1600 чел.	2006, 1600 чел.	2007, молодежь, 2000 чел.
На много лет вперед	2	2	2	5
На ближайшие пять-шесть лет	3	6	10	15
На ближайшие год-два	16	34	34	48
Не знаю, что будет даже в ближайших месяцах	62	53	48	29
Затрудняюсь ответить	17	5	6	3

Таблица 4

КАКИМ ДЛЯ ВАС БУДЕТ НАСТУПАЮЩИЙ ГОД ПО СРАВНЕНИЮ С МИНУВШИМ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Безусловно лучше	4	6	5	5	5	4	2	6	6	7	5	7	8	6	8	11	6
Надеюсь, что лучше	35	42	36	33	28	31	27	46	51	42	45	47	38	46	41	45	43
Думаю, что хуже не будет	12	10	15	19	12	20	14	17	18	22	24	21	13	18	17	17	20
Без перемен	21	23	20	25	30	25	27	18	17	20	19	19	26	19	25	18	15
Пожалуй, будет хуже	23	11	15	12	19	9	23	6	4	5	4	3	12	7	5	6	11
Затруднились ответить	5	8	9	6	6	11	7	7	4	4	3	3	3	4	4	3	6

N=1600.

Ощущение стабильности, всегда ненадежной и быстро сменяющейся напряжением, конфликтами, ухудшением ожиданий, в лучшем случае увеличивает среди респондентов долю тех, кто может планировать свое будущее на год-два вперед и не более того; в подобных слу-

чаях особенно заметен рост данного показателя у молодежи.

Так относительная стабилизация материального положения в большинстве российских семей и даже известное улучшение его накануне последних парламентских и президентских

выборов в стране привели к некоторому укреплению веры в будущее. Больше того: поскольку источником стабильности в настоящем и уверенности в будущем для большинства россиян выступает исключительно верховная власть, относительное улучшение ожиданий на предстоящий год вообще чаще всего связано для наших респондентов с электоральными циклами.

Однако подобное улучшение, как правило, длится недолго. К примеру, относительно благополучная ситуация 2007 — начала 2008 гг. начала заметно ухудшаться с осени 2008-го после объявления о наступлении экономического и финансового кризиса в мире и в стране.

решную партию власти на последних выборах в московскую городскую Думу 2009 г. активнее голосовали именно те, кто сумел улучшить свое положение к настоящему времени и, как можно полагать, надеется подобным голосованием гарантировать сохранение статус-кво.

Интерпретация материала. Как представляется, решающие факторы того, что массовые представления россиян о будущем, как правило, настолько негативны, а улучшения в данной сфере оказываются ненадежными и краткими, определяются всем ходом социальной жизни и принципиальной структурой российско-

Таблица 5
КАК ИЗМЕНИЛАСЬ ЗА МИНУВШИЙ ГОД ВАША УВЕРЕННОСТЬ В БУДУЩЕМ? (в % от числа опрошенных)

Год оценки	Укрепилась	Осталась такой же	Ослабла	Ее не было и нет	Затруднились ответить
2004	13	44	26	14	2
2005	13	52	21	12	2
2006	16	57	17	9	2
2007	24	56	14	4	2
2008	11	51	32	6	1
2009	13	52	24	9	2

N=1600.

Соответственно, с октября-ноября 2008 г. у большинства россиян стало укрепляться ощущение, что тяжелые времена — как казалось большинству еще весной 2008 г., уже пройденные — напротив, еще только предстоят. Иными словами, большинство вернулось к стандартным ожиданиям и оценкам будущего как области ухудшения.

го социума последних десяти-пятнадцати лет. В частности важную роль здесь играет отсутствие сколько-нибудь самостоятельных, конкурирующих и влиятельных элит, последовательное упрощение и фрагментация общества, неавторитетность средств массовой коммуникации (при регулярном и продолжительном телезрителю). Сознание разрыва — и ширящегося

Таблица 6
МЫ ПЕРЕЖИВАЕМ СЕЙЧАС САМЫЕ ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА, ИЛИ ОНИ УЖЕ ПОЗАДИ, ИЛИ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1992	1998	2008		2009	
	январь	сентябрь	апрель	ноябрь	декабрь	март
Переживаем их сейчас	21	27	15	25	24	23
Они уже позади	1	6	43	18	16	11
Они еще впереди	73	58	27	45	52	55
Не знают, затруднились ответить	5	9	15	12	8	11

N=1600.

При этом россияне, более уверенные в своем будущем, чаще других выступают за сохранение нынешнего положения дел, и наоборот. Иными словами, будущее даже наиболее успешными россиянами рассматривается по преимуществу как продолжение настоящего, инерция, в лучшем случае — удержание нынешнего состояния. Характерный пример: за тепе-

разрыва — между «верхами» и «низами», между успешным, богатым меньшинством и привыкшей к мало- или среднеобеспеченному существованию массой укоренилось в населении, однако авторитетности власти, богатства, способностей, интеллекта в обществе по-прежнему нет. Соответственно, нет и образцов поведения, сколько-нибудь влиятельных для больших со-

циальных групп, слоев россиян. Опросы о героях года, влиятельных политиках, журналистах и массмедийных фигурах, художественной интеллигенции и т. д. демонстрируют абсолютное лидерство властного тандема, на фоне которого любые другие, всегда разрозненные имена собирают не более нескольких процентов опрошенных. Такая же ситуация — в потреблении периодической печати: влиятельных общенациональных газет, тем более журналов, в стране нет, преобладает интерес исключительно к местной еженедельной прессе.

О слабости институционального и системного доверия в российском обществе последних десятилетий не раз писали социологи, включая автора настоящих строк. Россияне не рассчитывают (в обоих смыслах — не могут ни рационально калькулировать, ни полагаться на основании предшествующего опыта) на позитивное взаимодействие с представителями каких бы то ни было институтов нынешнего российского социума. Характерные для большинства россиян представления о тотальной коррумпированности этих институтов от ЖКХ до высших чиновников — оборотная сторона недоверия к ним.

В подобных условиях общей и устойчивой стратегией большинства населения, наиболее крупных социально-демографических групп остается адаптация от противного со всегдашней установкой на возможное понижение («Как бы не было хуже»). Соответственно, преобладающая часть (от двух третей до четырех пятых) россиян раз за разом признается социологам в неспособности влиять на положение дел у себя на работе, в районе, городе, стране, где они живут, — в невозможности позитивно рационализировать собственное поведение, улучшить условия жизни, повысить результативность своих действий, оптимизировать ситуацию в целом.

Невозможность влиять на положение дел, причем в немалой степени — даже в рамках семьи и ближайшего круга родных-близких (разрыв поколений и др.), — демпфируется и компенсируется в массе россиян за счет усиления жесткости нормативного жизненного сценария, подавления механизмов достижения, дифференциации, увеличения многообразия. Отсюда — преобладающая в российском социуме установка на понижающую адаптацию, принятая большинством россиян эскапистская конструкция социального «алиби» (жизни как бы вне актуального пространства и времени), чувство зависти к социальным «другим» и мера по привычному для «всех» скромному, а то и скуд-

ному уровню как средство коллективного контроля и самоконтроля (самоконвоирование).

Положение и роль молодежи, в том числе более успешной молодежи, в социуме подобного устройства, ее несколько большие возможности и некоторые реальные достижения принимаются большинством соотечественников разве что как аскриптивные допущения в рамках данной фазы жизненного цикла (по традиционалистской модели — «перебесятся»). Характерно, что у самой молодежи, даже наиболее благополучной, успехи, если они есть, сопровождаются привычным ощущением неуверенности и незащищенности¹. Это, конечно, предельно далеко от самочувствия и социальной практики, скажем, европейской молодежи начальных периодов модернизации — например, членов обществ типа «Молодая Германия», «Молодая Польша», «Молодая Венгрия» и тому подобных на протяжении XIX в. (ср. их самосознание, еще в начале модерна афористически выраженное Новалисом: «В наших силах сделать мир другим»²).

Сегодняшнюю Россию скорее можно назвать страной без будущего — без сколь-нибудь артикулированной авторитетными элитами и принятой основными группами перспективы. После конца больших утопий XX в. и связанного с ними мессианистского подъема в массе населения и большинстве «продвинутых» групп страны преобладают установки на самозащиту, социальную консервацию, символическую компенсацию — образы «врагов», идеи «особого пути», ностальгия по воображаемому державному прошлому и т. п. Хронические проблемы социокультурного устройства России — задачи системной инновации, гратификации достижений, репродукции качественного уровня — остаются нерешенными. Эту ситуацию многократно осложняет продолжающееся сохранение большей части огромной страны в статусе гигантской периферии, которая, с одной стороны, в изобилии поставляет во властный и богатый ресурсами центр соответственно социализированный «человеческий материал», а с другой — гасит либо трансформирует «с точностью до наоборот» какие бы то ни было императивы и импульсы, идущие из центра.

¹ Подробнее см.: Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. «Средний класс» as if: мнения и настроения высокодоходной молодежи в России // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 3. С. 27–41.

² Сегодня подобное ощущение избранников ушло по преимуществу в типовую рекламу с ее самоподбадриванием: «Будущее — в твоих руках», «Все тебе подвластно» и т. п. Оба эти контрастных смысловых плана ежечодно сосуществуют в реальности теперешней России.